

В.И.ИОХЕЛЬСОН

Опубликовано: Советская этнография. – 1935. - № 2. – С.3-15

Одному из старейших русских этнографов Владимиру Ильичу Иохельсону исполнилось в январе 1935 г. 80 лет. Из этих восьмидесяти лет половина— сорок лет — приходится на научную этнографическую работу (1895—1935) а предыдущее двадцатилетие — 1875—1895 — это годы жизни и работы профессионального революционера-народника. Стык этих двух профессий в 1895 г. не случаен. В.И. Иохельсон был в это время на далекой Колыме в ссылке. Колымская и якутская ссылки дали этнографии и лингвистике целый ряд ученых исследователей. „Социальное задание эпохи для последних землевольцев и народовольцев, попавших в далекую ссылку на крайнем северо-востоке, состояло в изучении народностей, разбросанных там, первобытных, полуистребленных и почти совершенно неизвестных“, говорит в предисловии к своим „Чукчам“ В.Г.Богораз¹, начавший свою научную деятельность вместе с Иохельсоном, в той же колымской ссылке.

Вся последующая жизнь Иохельсона с 1895 г. и определилась этим „социальным заданием“, — она посвящена исследованиям народов крайнего северо-востока, длительным, тысячеверстным путешествиям по Колыме, Камчатке и по островам северной части Тихого океана, разработке этнографических, лингвистических и археологических проблем этой части нашей страны и прилегающих к ней окраин Америки. Первые печатные работы Иохельсона, появившиеся в конце девяностых годов, посвящены юкагирам Колымы. Последние опубликованные им работы 1932—1933 гг. — это работы об алеуцах и якутах — народах того же крайнего северо-востока.

Научная продукция Иохельсона очень внушительна, американский его биограф пять лет назад, по случаю 75-летия В.И. писал: „His publications in Russian, German and English form a library by themselves“². Последнее пятилетие прибавило к этой библиотеке еще несколько работ. Является общепризнанным, что Иохельсон — выдающийся полевой исследователь и лучший знаток языка, фольклора, материальной культуры юкагиров, алеутов, ительменов и коряков. Собранные и далеко не полностью еще опубликованные им материалы по этим разделам исследования упомянутых народов стоят на большой высоте по своей обстоятельности и научной добросовестности.

Раньше однако, чем приступить к обозрению научных трудов Иохельсона, мы должны восстановить вкратце основные вехи его жизни и в немногих, по необходимости, словах напомнить о Иохельсоне-народовольце.

Владимир Ильич Иохельсон родился 14 января 1855 г. в г. Вильне в патриархальной еврейской семье. „Меня... готовили к богословской карьере. В 12 лет я уже знал четыре трактата талмуда с комментариями. Воспитание я получил строгое. Я ничего не знал, что

¹ Воспользуюсь случаем принести благодарность Владимиру Германовичу Богоразу за сообщение ряда сведений о жизни и работе В.И.Иохельсона и за ценные указания при составлении настоящей статьи, а также Л.Л.Домгеру, который помог мне в подборе источников для биографии В.И.Иохельсона. К. Ш.

² American Anthropologist. Apr. 1930, vol. 32, № 2, стр. 375.

происходит вне нашего дома, хедера и приходской синагоги..³ Даже раввинское училище, еврейская бурса, казалось старозаветным родителям В. И. еретическим рассадником свободомыслия, и лишь после мучительной борьбы с отцом В. И. получил согласие на поступлений туда. В раввинском училище Иохельсон близко сошелся с А.И. Зунделевичем, впоследствии видным членом „Земли и воли" и „Народной воли". Небольшой кружок „для саморазвития", организованный в училище Зунделевичем, превратился через несколько лет в довольно крупный по своему значению центр распространения подпольной народнической литературы, хорошо связанный с границей, перевозивший через границу транспорты книг и переправлявший нелегальных. Идейно кружок был ближе всего связан с лавристами. Иохельсон получил в этом кружке первую выучку и закалку, как революционер-подпольщик.

В 1873 г. он поступил в реальное училище, а в 1875 г. стал нелегальным; и после провала кружка успел уехать за границу, в Германию. Об этом периоде своей жизни Иохельсон довольно подробно вспоминает в своих записках⁴. Он прожил в Берлине до лета 1876 г., работал токарем на двух машиностроительных заводах, жил в „коммуне" русских студентов, ходил на курсы для взрослых, публичные лекции в университете, социал-демократические собрания, встречался с молодыми Эд.Бернштейном и Каутским, — словом, всячески использовал положение молодого революционера, вырвавшегося из царской России в „свободную" Германию 1875 г., Германию до бисмарковского закона против социалистов⁵.

Летом 1876 г. Иохельсон нелегально перешел границу и через Киев проехал в Кременчуг. Там он пробыл около года, всецело занятый пропагандой среди местной молодежи. Кружок, организованный Иохельсоном в Кременчуге, дал впоследствии ряд известных революционеров. После раскрытия кружка вследствие провокации Иохельсон бежал сначала в Киев, и оттуда за границу, в Берлин. Случайная встреча в Берлине с артелью русских крестьян арзамасцев-войлочников и попытки пропагандистской работы среди них послужили для Иохельсона первым испытанием в ведении довольно-таки наивной народнической пропаганды непосредственно среди крестьян. Из Берлина Иохельсон выехал в том же 1877 г. с твердым решением „итти в народ" для культурно-революционной работы. Но вышло не совсем так. Иохельсон попал в Москву и, связавшись с рядом землевольцев, специализировался вскоре как поставщик и транспортер нелегальной литературы. Эту работу он вел в больших масштабах, совершая частые поездки между Москвой и Петербургом, и вскоре заслужил репутацию опытного конспиратора под кличкой „Володьки" или В. Голдовского. В 1878 г. он впервые принимает участие в террористической деятельности, в подготовке убийства шефа жандармов Мезенцова. Вскоре после этого Иохельсон опять делает попытку пойти в „народ" и едет для этого на юг России, в Киев, чтобы пройти там землемерные курсы и обосноваться потом в деревне.

Все же „деревенщиком"⁶ Иохельсон так и не стал, и уже в конце лета 1879 г., после Липецкого съезда, мы видим Иохельсона в Петербурге, работающим в динамитной мастерской „Народной воли". Затем он заведует паспортным столом Народной воли. Оба этих дела требовали величайшей конспирации, педантической четкости работы и вместе с тем смелости и находчивости, — эти качества Иохельсон проявил в превосходной степени.

Из руководящих работников Народной воли Иохельсон и в этот период наиболее близок был с А.И.Зунделевичем, блестящим организатором и практиком подполья. По своим теоретическим взглядам Зунделевич, уже в этот период склонялся к социал-демократам. В своих воспоминаниях Иохельсон даже называет Зунделевича первым социал-демократом из

³ В. И. Иохельсон. Далекое прошлое. „Былое", 1918, № 13, стр. 54.

⁴ Цит. ст. в „Былом".

⁵ Принятого 19 окт. 1878 г.

⁶ „Деревенщиками" в конце 70-х гг. назывались революционеры-землевольцы, уходившие на „поселение" в деревню для агитации среди крестьян.

русских революционеров⁷. Там же В.И. пишет, что теоретические взгляды Зунделевича оказали на него, Иохельсона, сильное влияние.

Впрочем, мы не имеем в записках В. И. вполне четких указаний по существу его теоретических взглядов в тот период. Он был по преимуществу, как и его учитель А. И. Зунделевич, практиком, техником народовольческого подполья.

В конце 1879 г. Иохельсон по поручению Исполнительного комитета стал хозяином конспиративной квартиры на Гороховой улице вместе с Гесей Гельфман. Это было время напряженнейшей работы Народной воли, время ее смертного поединка с царизмом. Функции квартиры Иохельсона были разнообразны: здесь хранились взрывчатые вещества, здесь брошюровались номера „Народной воли" и прокламации Исполнительного комитета, здесь происходили в полной тайне совещания Распорядительной комиссии, здесь же укрывались особо разыскиваемые лица, участники покушений на царя: Софья Перовская, Гартман и другие.

Несколько раз за это время Иохельсон по поручениям Исполнительного комитета выезжал из Петербурга: он переправлял за границу Гартмана, Веру Засулич, ездил в Кенигсберг для рассылки прокламаций Народной воли по поводу ареста в Париже Гартмана, выдачи которого добивалось царское правительство. В результате успешной рассылки Иохельсоном обращения „к французскому народу" (составленного Желябовым, Ал. Михайловым и Тихомировым и переведенного на французский язык А.П. Корбой) поднялась кампания протеста против выдачи Гартмана (известно открытое письмо Виктора Гюго французскому правительству о невыдаче Гартмана), и французское правительство вынуждено было отпустить Гартмана в Лондон. Впоследствии, будучи в Лондоне, через Гартмана Иохельсон лично познакомился с Энгельсом. Маркс в то время был уже настолько болен, что посетить его Иохельсон не смог⁸.

Конспиративная квартира просуществовала до весны 1880 г., а летом этого года, Иохельсон, выполнив еще некоторые поручения Исполнительного комитета, выехал за границу. В своих воспоминаниях Иохельсон называет зиму 1879—1880 гг. „неизгладимо светлым моментом" своей жизни. „Я был в близком общении, — пишет он,⁹ — с лучшими людьми бурной революционной эпохи... Я находился уже, можно сказать, на той стороне тургеневского „порога", за которым погибли почти все, кого я тогда знал. Только немногие из них после долгих лет испытаний снова вернулись к жизни. Но летом 1880 г. я вышел из стана обреченных и уехал за границу. Этот уход с поля битвы оставил след на всю мою последующую жизнь. В пятилетней эмиграции, трехлетнем заключении и десятилетней ссылке, а затем в вольных путешествиях и среди научных занятий, я не находил ни полного удовлетворения, ни должного покоя. И теперь, на старости лет, когда под влиянием жизненного опыта и критики все прошлое уже представляется в несколько ином свете, я все еще в виде укора вижу перед собой властную фигуру Желябова, слышу командные слова Александра Михайлова и чувствую ясный, светлый взгляд Перовской".

1880—1885 гг. Иохельсон провел в эмиграции. Связь его с Народной волей не прерывалась. Сохранилась и частично опубликована его переписка с Гартманом, Морозовым и письма к нему Лаврова. В 1883—1885 гг. Иохельсон заведывал типографией и изданием „Вестника Народной воли" в Женеве.

В конце 1883 г. Иохельсон издал известный „Календарь Народной воли", в котором принимали участие Лавров, Кравчинский, Оловенникова и др. (см. об этом очерк В.И. Иохельсона в сборнике „Музей Революции", № 1, Петроград, 1923). В этом очерке, между прочим, Иохельсон вспоминает эпизод из своей жизни в эмиграции, очень интересный для характеристики образа действий русских народовольцев-террористов за границей. Это было в Кларане (Швейцария). Иохельсон будучи „заграничным агентом"

⁷ В.И. Иохельсон. Первые дни Народной воли, изд. Музея Революции, П., 1922, стр. 17.

⁸ См. В.И. Иохельсон. Из переписки с Лавровым, „Былое", 1923, № 21, стр. 150.

⁹ В.И. Иохельсон. Далекое прошлое, „Былое", 1918, № 13.

Народной воли, состоял некоторое время преподавателем в школе для детей лечащихся русских аристократов. Там обучались, между прочим, дети тогдашнего министра юстиции Муравьева, обвинявшего повешенных незадолго до этого первомартовцев. Не приходится и говорить, что Память Перовской и Желябова была священна для каждого революционера и взывала о мести их убийцам. Муравьев посетил однажды школу, и следствием этого посещения вскоре же было увольнение? Иохельсона и других преподавателей-эмигрантов. В это время в Кларан явилась эмигрантка Е.П.Дурново с намерением убить Муравьева. И вот Иохельсон вместе с И. Мечниковым, учтя недопустимость террористического акта не на территории России, вынуждены были принять энергичные меры к „спасению" царского министра, хотя сами они считали Муравьева вполне заслуживающим смерти. Им удалось, наконец, убедить Е.Дурново отказаться от своего намерения.

В конце 1885 г., тяготясь своим положением эмигранта, Иохельсон отправился в Россию. На русской границе, через которую он мастерски переправил в свое время стольких беглецов, его ждали жандармы: он был предан провокатором еще в Женеве и за ним пристально следили. Арестованного Иохельсона доставили в Петербург. После двухлетнего заключения в Трубецком бастионе Петропавловской крепости Иохельсон был выслан на десять лет в „отдаленнейшие места" Сибири.

Первоначально В.И. жил в Олекминске, но вскоре местная полиция, усмотрев в его переписке, разумеется перлюстрируемой, что-то подозрительное, отправила его в еще более отдаленные места. Мотивировка этой пересылки (по рассказу В.Г.Богораза) любопытна. В одном из своих писем из Олекминска Иохельсон высказал соображения, что ссыльные должны заняться изучением туземных племен крайнего Севера. Местные чины „пошли навстречу" исследовательским устремлениям Иохельсона, и с соответствующим издевательским напутствием он был отправлен на Колыму. Он жил в якутских улусах, в Калтусе близ Среднеколымска в условиях несравненно более тяжелых, чем другие политические ссыльные, образовавшие коммуну в самом Среднеколымске.

Свое хорошее знание быта якутов Иохельсон приобрел именно тогда, в эти первые, самые тяжелые годы ссылки.

В 1894 г. Д. А. Клеменц, с которым Иохельсон был знаком с первых лет своей революционной деятельности и который в это время уже в качестве видного сибирского исследователя и правителя дел Восточно-Сибирского отдела Географического общества, организовывал Якутскую Сибиряковскую экспедицию, — привлек В.И. к участию в этой экспедиции вместе с другими ссыльными: Э.К. Пекарским, И.И. Майновым, В.Г. Богоразом, С.В. Ястремским, С.Ф. Коваликом и др. Больше двух лет (1895—1897) Иохельсон провел среди юкагиров, объехав все районы расселения этого племени и смешанных с юкагирами ламутов. Он вывез оттуда прекрасное знание юкагирского языка, большой фольклорной материал и ценные этнографические наблюдения. Это были первые научные данные о юкагирах, племени до того науке вовсе неизвестном, и которое вообще считалось вымершим. Иохельсон обнаружил и изучил два самостоятельных юкагирских диалекта— колымский и тундренный, собрал словарь в девять тысяч слов, записал сто пятьдесят текстов¹⁰.

Этнографические данные о юкагирах Иохельсон вскоре же по окончании экспедиции опубликовал в небольшом по объему, но ярком и насыщенном материалом очерке („По рекам Ясачной и Коркодону", СПб., 1898). В этой работе Иохельсон описывает первобытный родовой строй юкагиров с характерным, „противоположением между собой мужчин и женщин, как двух отдельных групп", с коммунистическим распределением добычи промыслов и с рядом других очень резких и характерных черт примитивности.

„Без преувеличений можно сказать, что Иохельсон открыл для науки совершенно новое

¹⁰ Опубликовано до сих пор сто текстов в изд. Академии Наук „Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора", ч. I, СПб, 1900. Материалы по грамматике юкагирского языка опубликованы на английском языке в „American Anthropologist", v. 7, № 2, 1905, я недавно переведены на русский язык в сб. „Языки и письменность народов Севера", ч. 3, Л., 1934.

племя и притом племя, чрезвычайно интересное по особенностям его общественного быта", пишет вполне справедливо один из биографов В.И.¹¹

Честь первого и лучшего исследователя юкагиров неоспоримо принадлежит Иохельсону, и его работы по настоящее время сохраняют все свое значение.

В 1898 г. Иохельсон возвращается в Петербург. „Когда я вернулся в Петербург из ссылки после девятнадцатилетнего отсутствия, — время своего заключения в Петропавловской крепости (1885—1887 гг.) я, конечно, не считаю пребыванием в Петербурге, — я с волнением отправился на Гороховую улицу посмотреть дом, с которым у меня было связано столько воспоминаний и переживаний. Но я не мог его найти. Все как-то изменилось. Даже номера домов другие..."¹²

Изменился, конечно, и сам Иохельсон. Теперь основные интересы его состояли в продолжении научной работы по этнографии. Но романовский Петербург не был подходящей ареной для успешной деятельности бывшего террориста, вернувшегося из ссылки, хотя бы и с солидной репутацией исследователя.

И вскоре, меньше чем через год, Иохельсон вместе с В.Г.Богоразом при посредстве академика В.В.Радлова, включается в состав членов известной Джезуповской экспедиции (The Jesup North Pacific Expedition) и едет опять на крайний северо-восток с задачами изучения коряков и продолжения своих юкагирских исследований.

Таким образом, официальная русская наука (Академия Наук) в этой экспедиции, организованной на американские средства, оказалось представленной бывшими ссыльными народовольцами. Соблюдая декорум, министерство внутренних дел выдало Богоразу и Иохельсону „открытые листы", обязывающие все местные власти оказывать экспедиции всяческое содействие, но одновременно с выдачей „листов" Сипягин (тогдашний министр внутр. дел) разослал секретный циркуляр, в котором предвещал местную власть, что „в виду прежней противоправительственной деятельности Богоразы и Иохельсона оказание им какого-либо содействия по возложенным на них ученым трудам представляется совершенно несоответственным", и предложил учредить „за деятельностью и сношениями означенных лиц негласное наблюдение". И действительно, экспедиция не только не получала содействия властей, но эти власти — от генерал-губернатора Гродекова до гижигинского исправника — по мере своих сил и усердия мешали работе¹³.

Корякско-юкагирский отряд Джезуповской экспедиции, которым руководил Иохельсон, состоял кроме самого В. И. из нескольких работников. В качестве антрополога в экспедиции работала Д.Л. Иохельсон-Бродская (жена и постоянный товарищ по работе В.И.). Материальная часть и научное оборудование экспедиции стояли на должной высоте: инструментарий антрополога, фонограф, фотоснаряжение и т. д. Путь лежал через Берлин—Антверпен (где были сделаны все основные закупки снаряжения и экспедиционного имущества) — Нью Йорк — Сан-Франциско—Иокогама—Владивосток. Летом 1900 г. экспедиция высадилась в Гижиге (северное побережье Охотского моря).

В течение года Иохельсон обследовал все корякские селения побережий Пенжинского залива, кочевья коряков-оленевонов полуострова Тайноноса и внутренних тундр страны до хребта Пал-пал, места стыка корякских кочевий с чукотскими.

В конце лета 1901 г. экспедиция отправилась на северо-запад, в Колымский край, и к началу зимы вышла к Верхне-Колымску.

В результате работы среди коряков Иохельсоном собраны обширные материалы и коллекции: так, им впервые собраны и описаны многочисленные образцы широко

¹¹ А.Максимов. Биография В.И. Иохельсона в Энциклопедическом словаре Гранат, т. 22.

¹² В.И. Иохельсон. „Первые дни Народной воли". (Речь идет о доме на Гороховой, где была в 1879—1880 гг. конспиративная квартира.)

¹³ Иохельсону удалось добыть этот сипягинский циркуляр в Гижиге, и в 1903 г. В.Г. Богораз опубликовал его в штуртгартском журнале „Освобождение", № 15, стр. 255—256, в статье „Двуликий янус". Таким образом история „содействия" Джезуповской экспедиции к вящему позору российской империи стала широко известной.

бытовавшей в то время у коряков каменной и костяной индустрии — наглядное свидетельство того ничтожно-низкого уровня развития производительных сил, на каком держал коряков российский колониальный режим: каменные скребки для выделки шкур, каменные и костяные наконечники стрел и гарпунов, мотыги-клубнекопалки, орудие первобытного собирательства и т. д.; найдено древнее оружие и доспехи; обнаружена при раскопках керамика, исчезнувшая вовсе из обихода с появлением ввозной посуды, в результате пушной торговли с русскими и американскими купцами (что, однако, вовсе не означало какого-либо хозяйственного прогресса, — наоборот, исчезновение таких нужных производств, как гончарное, вело в колониальных условиях к еще большему снижению уровня жизни, ставя корякское хозяйство в полную зависимость от купца). Изучен кузнечный промысел коряков. Описан коллективный байдарный промысел морского зверя. Особенно полно и тщательно изучено изобразительное искусство коряков, выраженное в изделиях из кости, резьбе, разнообразных вышивках и т.д.

Собранный Иохельсоном большой материал по фольклору и мифологии коряков дал возможность изучения религии коряков и проведения интересных параллелей с мифологией чукоч, камчадалов, эскимосов и северо-американских индейцев.

Д.Л.Иохельсон-Бродской собран впервые антропологический материал (ею же впоследствии разработанный и опубликованный).

Работой среди колымских одулов (юкагиров) полевые исследования экспедиции были в 1902 г. закончены.

Результаты работы были Иохельсоном опубликованы в течение ряда последующих лет в виде обширных монографий in folio на английском языке в серии трудов Северо-тихоокеанской экспедиции („The Koryak"—2 тома¹⁴, „The Yukaghir and the Yukaghiriwed Tungus" — 3 тома).

В Петербурге Иохельсон, несмотря на свои большие уже заслуги перед русской наукой, жить и работать не мог. Его всячески „прижимали", у него не было паспорта и т. д. Жил он в те годы главным образом за границей (в Германии, Швейцарии). Но репутация крупного этнографа-исследователя уже сложилась у него, и когда московский миллионер Рябушинский, всячески хлопотавший о славе прогрессивного и либерального капиталиста, затеял большую Камчатскую экспедицию, Иохельсон был приглашен участвовать в ней в качестве начальника этнологического отдела. Иохельсон принимает предложение и по своему почину дополняет программу работ этнологического отдела задачей всестороннего изучения алеутов на Алеутском архипелаге.

Экспедиция эта продолжалась 3 ½ года, с весны 1908 г. до осени 1911 г. Первые полтора года Иохельсон посвятил изучению алеутов. Он объехал все важнейшие острова Алеутской гряды (Уналашка, Атту, Атка, Умнак и др.), проведя на некоторых из них по нескольку месяцев. К изучению культуры алеутов Иохельсон, как и два его соратника по изучению северо-восточных народов — В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг, шел через изучение языка.

„Опыт прежних работ в Сибири убедил меня в том, что этнологии народа нельзя понять без знания его подлинного творчества и языка, и я прежде всего взялся за изучение алеутского языка", писал В.И. Иохельсон впоследствии¹⁵. Из собранных Иохельсоном материалов видно, что основы морфологии, фонетики и значительная часть элементов грамматики алеутского языка тождественны с языком эскимосов. Иохельсоном собран словарь в 5000 слов, записано под диктовку и на валиках фонографа 150 текстов мифов, преданий и сказок.¹⁶ Материалы эти по сие время являются единственными и имеют

¹⁴ Оба тома переведены на русский язык и готовятся к изданию в Ленинграде Институтом народов Севера.

¹⁵ В.И. Иохельсон. Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова, „Изв. Р. Ак.Наук, 1919", П., 1920.

¹⁶ В Сб. „Языки и письменность народов Севера" (Л., 1934) вошла написанная В.И. Иохельсоном статья „Унанганский (алеутский) язык", содержащая очерки фонетики и морфологии языка. См. также Опись фольклорных и лингвистических материалов В.И. Иохельсона, хранящихся в Азиатском музее РАН. I. Алеуты,

исключительную ценность. Полностью они еще не разработаны.

Значительное место в работе экспедиции занимали археологические работы — раскопки древних жилищ и пещер-могильников. Несколько тысяч номеров археологической и этнографической коллекции Иохельсона, а также собрание прекрасных фотографий образовали основной фонд алеутского отдела б. Румянцевского музея.

Летом 1910 г. экспедиция прибыла на Камчатку. Археологические работы на восточном берегу в районе Авачинской губы дали некоторый новый и любопытный материал по культуре древних ительменов: найдены каменные — кремневые и обсидиановые орудия, остатки гончарного производства и, между прочим, глиняные сосуды с ушками внутри, сходные с гончарными изделиями с одной стороны айнов, с другой — индейцев северо-западной Америки.

В начале зимы экспедиция санным путем на собаках выехала на западный берег Камчатки, в район современного обитания остатков ительменов, племени» еще два века тому назад, в начале колониального периода Камчатки, заселявшего почти весь полуостров. Зима 1910—1911 гг. была посвящена работам по изучению ительменского языка и фольклора, быта и промыслов населения и сбору этнографических коллекций в районе Хайрюзова, Тигиля и близлежащих корякских и ламутских кочевий.

Автору настоящей статьи в 1926 г. в Тигиле, ительменских селениях и стойбищах кочевых коряков не раз доводилось слышать еще вполне свежие воспоминания местных жителей о В. И. Иохельсоне, его фонографе, киноаппарате, и об его ненасытной жадности к собиранию старых сказок. На Камчатке вообще долго помнят научные экспедиции, но, по-видимому, работа Иохельсона запомнилась особенно ярко.

Экспедицией 1908—1911 гг. заканчиваются полевые работы Иохельсона. По числу объектов исследования — отдельных народностей, по числу лег непосредственно полевых исследований — более десяти — Иохельсон превосходит многих русских этнографов. За вычетом чуков и азиатских эскимосов, изучение которых является монополией Владимира Германовича Богораза и его учеников, все остальные племена нашего крайнего северо-востока в той или иной мере изучены В.И. Иохельсоном. Поэтому почти все его книги насыщены сравнительно-этнографическими данными; вопросы хозяйства, быта и культуры того или другого конкретного народа всегда трактуются Иохельсоном не изолированно, а в сравнении с соседними народами Азии и, особенно, Америки.

Об этом последнем обстоятельстве нужно сказать еще несколько слов. „Американистские" тенденции вообще сильны у Иохельсона. Так, он явился одним из энергичных адептов своеобразной гипотезы о прошлых миграциях населения северо-востока Азии. Согласно этой гипотезе племена эти еще в один из межледниковых периодов перешли из Азии в Америку по существовавшему тогда перешейку между материками на месте Берингова пролива и надолго остались в Америке. В дальнейшем же они будто бы вернулись в Азию, приобретя в Америке ряд специфических антропологических и этнографических признаков. Впоследствии между американской и азиатской группами племен одинакового происхождения вклинились с востока эскимосы. В связи с этой теорией в науке появился и особый термин для народов крайнего северо-востока Азии (чук, коряков, ительменов, юкагиров, гиляков): „американоиды". Теория эта, однако, достаточно обоснованной не считается ни с точки зрения антропологии, ни этнографии.

Сильное влияние на Иохельсона в направлении, которое мы отнюдь не можем считать благотворным, имеет американская этнография в лице школы Ф.Боаса. Мы имеем в виду свойственный ученым этой школы беспринципный по существу эмпиризм, который характерен и для многих работ Иохельсона. Так же, как прочие представители американской школы „исторической антропологии", Иохельсон ставит себе в заслугу отказ от всяких попыток исторических и социологических обобщений и поэтому, разумеется, не может преодолеть классово-обусловленную ограниченность этой школы. Эклектизм и

беспомощность Иохельсона в социологических вопросах обусловлены, конечно, также его народническим прошлым.

Надо, впрочем, указать, что Иохельсон в отличие от других американских ученых, более последовательных сторонников упомянутой школы, не только не отрицает первобытного коммунизма как всеобщей стадии развития общества, но в своих работах о коряках и юкагирах неоднократно подчеркивает наличие у этих народов в производстве и быту остатков первобытного коммунизма.

Говоря об общественном значении работ Иохельсона, нельзя не указать на одну из характернейших их черт: главы книг Иохельсона, излагающие колониальную историю народов Севера, характеризующие современную ему русскую колониальную администрацию, миссионеров, торговцев, казаков, — дают большой материал для разоблачения отвратительного существа царистского колониального режима и его агентов. Иохельсон показывает, как этот режим привел к голодовкам и вымиранию северных племен, к вырождению и обесцвечиванию их общественного строя. Представитель революционного народничества, Иохельсон старается оставаться верным себе и в роли ученого, хотя и вынужден был работать под флагом „императорских" Академии Наук и Географического общества и на средства крупных капиталистов, заинтересованных в колониальной эксплуатации окраин.

В одной из глав своих „Коряков" Иохельсон пишет: „Только тогда, когда судьба сибирских туземцев перейдет из рук бюрократии в руки народа, многие из русской интеллигенции охотно пожертвуют удобствами и привычным образом жизни ради просвещения и улучшения экономического положения народов крайнего Севера"¹⁷.

Это очень характерное, очень типичное высказывание. Разумеется, мы можем и должны ввести здесь „поправку на народника", поправку на ограниченность мелкобуржуазного мировоззрения, должны указать, что улучшение экономического состояния и культурный подъем северных колониальных народов становятся возможными лишь на новой социально-экономической базе, лишь при условии пролетарской революции в метрополии; что это улучшение идет и придет некапиталистическим путем в результате социалистического строительства.

Сказать все это мы в праве, даже обязаны. Но важно сделать и еще один вывод. Приведенные строки Иохельсона должны сигнализировать об ответственности советской науки за современное состояние работы среди народов бывших северных царских колоний.

Целеустремленное, построенное по принципу всемерного и быстрого содействия идущим сейчас на Севере революционным процессам социалистической реконструкции, марксистское по методологии — научное исследование этнографии, истории и экономики народов Севера должно быть развернуто в полном объеме.

И если старые народовольцы на свою большую научную работу смотрели как на прямое продолжение своего „служения народу", то молодая советская этнография свое исследование в интересах построения социалистического общества на Севере должна вести с неменьшим энтузиазмом, чем он был у „стариков".

Нам осталось сказать несколько слов о близких уже к нашему времени этапам жизни и работы В.И. Иохельсона. С 1912 по 1922 г. В.И. Иохельсон работает над своими огромными материалами сначала за границей, а потом в Петрограде, состоя сотрудником музеев Антропологии и этнографии и Азиатского.

После Октябрьской революции он принимается также за обработку своих мемуаров народовольческого периода, пишет для Музея Революции и периодической печати цитированные нами выше воспоминания об отдельных этапах своей жизни и революционной работы.

С 1922 г. Иохельсон живет за границей. По командировке Академии Наук он выехал в Америку для дальнейшей работы над материалами, собранными им в Дезуповской

¹⁷ W. Iochelson. The Koryak, p. II, Leiden — N. Y., 1908, стр. 806.

экспедиции и хранящимися в Нью-Йорке, а также и над материалами последующих исследований.

К следующим годам относится ряд его публикаций: *Archaeological Investigations in the Aleutian Islands* (Washington, 1925), *Archaeological Investigations in Kamtchatka* (Washington, 1928), *Peoples of Asiatic Russia* (N. Y., 1928), *The Yakut* (N. Y., 1933), *History, Ethnology and Anthropology of the Aleut* (Washington, 1933) и др.

Этими публикациями Иохельсон все же еще далеко не выполнил задачи разработки всего собранного им в экспедициях материала. В частности необработанными и неопубликованными остается значительная часть записанных им текстов и словари. Почти отсутствует в его новейших работах также анализ материалов, относящихся к общественному строю и характеризующих экономический уровень изученных им народов.

Мы считаем как раз эти разделы изучения народов Севера наиболее актуальными и существенными, и недостаточное внимание к этим проблемам собственно этнографии и лингвистики не можем не отнести за счет известного (и подчеркнем — уже значительного) отрыва и отчуждения Иохельсона от нашей науки и общественной жизни.

Затянувшееся пребывание Иохельсона за рубежом не обогатило его как ученого. И это понятно: Иохельсон ушел в момент, когда происходила закладка первых камней здания современной советской этнографии и лингвистики. В стройке он не участвовал, и его собственный рост ученого прекратился именно вследствие его самоизоляции. Это одиночество крупного ученого на склоне большой и богатой жизни по существу трагично и достойно искреннего сожаления. Делами всей своей жизни Иохельсон связан с нашей страной, и нам радостнее было бы приветствовать маститого ученого, если бы, вступая в свое девятое десятилетие, он нашел силы остаток своих дней посвятить работе здесь у нас вместе с молодой советской наукой и плодотворно работающими старыми своими соратниками, ветеранами научного исследования народов отдаленных окраин СССР.

Résumé

C. Chavrov

VALDEMAR JOCHELSON

La science et la presse de l'URSS ont déjà fait mention du quatreving-tième anniversaire du docteur Jochelson, ethnographe de grand mérite, rendu célèbre par l'exploration des peuples de l'Asie Arctique et Subarctique et des îles Nord du Pacifique.

Valdemar Jochelson est né le 14 Janvier 1855 à Vilno. Il fit ses études primaires à l'école des rabbins, ses études secondaires à l'école réale. Encore adolescent, il prit une part active au mouvement révolutionnaire et dut en conséquence émigrer à l'étranger (en 1875). L'année suivante (en 1876) il retourna clandestinement en Russie et y reprit son activité révolutionnaire. Il fit d'abord de la propagande révolutionnaire parmi la jeunesse, puis s'employa à faire passer à l'étranger les révolutionnaires menacés d'arrestation ou condamnés et à faire parvenir en Russie la littérature révolutionnaire éditée à l'étranger. Dans la suite, il prit part à l'activité de la „Narodnaïa Voïia" — cette organisation fondée en 1879 par les intellectuels russes. En 1880 Jochelson se vit de nouveau contraint à émigrer; jusqu'en 1885, il vécut en Suisse, où il édita des revues révolutionnaires russes et acheva ses études.

En 1885, lors de la tentative d'un retour clandestin en Russie, Jochelson fut arrêté à la frontière par les gendarmes et emprisonné dans la forteresse Pierre-et-Paul; le gouvernement tsariste le garda pendant deux ans dans ce cachot sinistre et l'exila ensuite pour dix ans au nord-ouest de la Sibérie, dans la région septentrionale du pays yakoute. Dans son exil, Jochelson se mit à étudier la vie des indigènes. En 1895—1897, il prit part à l'expédition organisée pour l'exploration du pays yakoute aux frais de quelques particuliers par la Société Géographique de la Sibérie

Orientale. Au cours de cette expédition il étudia la tribu des Youkaghirs des bords du fleuve Kolyma, et les matériaux par lui recueillis fournirent les premières données scientifiques, exactes et abondantes, sur la langue et la structure sociale de ce peuple primitif.

De retour de son exil (en 1899), Jochelson prit part à l'expédition Jesupp — célèbre expédition ethnographique américaine. Il passa derechef deux ans dans le nord-ouest de la Sibérie, chez les Koriaks des bords de la mer d'Okhotsk et les Youkaghirs de la Kolyma.

De 1908 à 1911, Jochelson fit un troisième voyage au Nord — cette fois comme chef de la section ethnologique d'une expédition privée envoyée au Kamtchatka. Au cours de cette expédition, il entreprit des recherches linguistiques, ethnographiques et archéologiques au Kamtchatka et aux îles Aléoutes. Pour cette expédition comme pour l'expédition précédente, il faut signaler le concours dévoué et intelligent, prêté à Jochelson par sa femme, Dina Jochelson, médecin et anthropologiste. Le travail immense accompli par Jochelson au cours de ces expéditions le fait considérer à juste titre comme le spécialiste le plus compétent dans le domaine des langues, du folklore et de la culture matérielle des Youkaghirs, des Koriaks, des Aléoutes et des habitants du Kamtchatka. Les collections, aussi abondantes que précieuses, qu'il avait recueillies au cours de ses voyages se trouvent en partie au Musée Ethnographique de Moscou, en partie — au Musée d'Histoire Naturelle de New-York.

Jochelson a fait paraître deux monographies remarquables sur les Koriaks et les Youkaghirs et un nombre considérable de travaux ayant trait aux langues, à l'ethnographie et à l'archéologie d'autres peuplades primitives du Nord, qu'il avait étudiées sur les lieux au cours de ses voyages. Au point de vue de l'ethnographie marxiste soviétique, les travaux de Jochelson ne sont pas exempts de défauts: il s'y manifeste une certaine tendance à idéaliser les stades primitifs, un certain empirisme: ce sont là des traits caractéristiques des ethnographes américains, qui ont exercé sur Jochelson une influence considérable.

Néanmoins, son oeuvre est admirable par l'abondance des données provenant de recherches effectuées sur les lieux — recherches remarquablement organisées et exécutées de la façon la plus consciencieuse. Actuellement encore, Jochelson continue la publication de ses matériaux, tout en poursuivant, avec une activité inlassable, l'étude des problèmes multiples auxquels ils se rattachent.